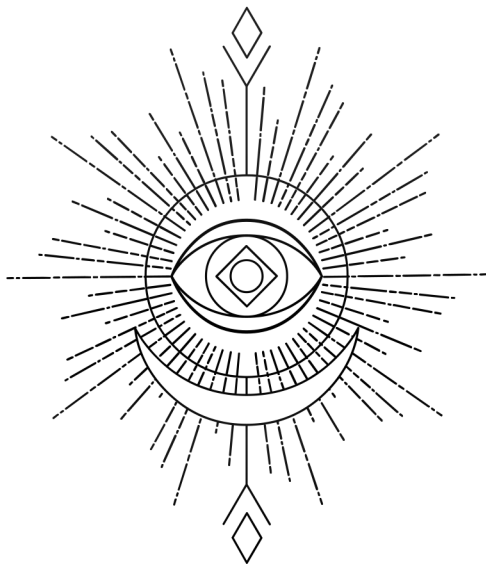

Игорь
Евдокимов

Тайный архив
Корсакова
Оккультный
детектив

МОСКВА
2024

Игорь
Евдокимов

Тайный архив
Корсакова

Оккультный
детектив

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е15

Иллюстрация на переплете *Ольги Саохелал*
Карта на форзаце и внутренние иллюстрации *Александры Чу*
Оформление серии *Екатерина Петрова*
Редактор серии *Анастасия Осминина*

Евдокимов, Игорь Алексеевич.
Е15 Тайный архив Корсакова. Оккультный детектив /
Игорь Евдокимов. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.
ISBN 978-5-04-204154-9

Петербург конца XIX века.

На первый взгляд Владимир Корсаков — классический столичный повеса, и лишь немногим известно, что ему под силу раскрыть загадочные преступления, связанные с потусторонним миром.

Корсакову предстоит отправиться в погоню за художником, рисующим проклятые портреты, которые сводят людей с ума, разгадать бесследное исчезновение семерых медиумов во время ритуала в особняке в Петербурге, а также отправиться в военное училище расследовать убийство. Виноват в нем, по слухам, мстительный призрачный юнкер, и правда может стоять Владимиру жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204154-9

© Евдокимов И. А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Главные герои и постоянные персонажи второго плана

Владимир Николаевич Корсаков — граф, младший сын, ставший единственным наследником рода.

Павел Афанасьевич Постольский — молодой жандармский поручик.

Полковник — глава тайного жандармского подразделения по борьбе с потусторонними угрозами, имя не раскрывает никому.

Петр Николаевич Корсаков — старший брат Владимира.

Дело о проклятых портретах

Гаврила Викторович Родионов — уездный исправник, глава полиции.

Сергей Стасевич — художник, рисующий проклятые портреты.

Серебрянская — дочь помещиков, единственная оставшаяся в живых из дворян-чернокнижников, имя забыто.

Баронесса Ридигер — жертва Стасевича, дочь мсье N.

Екатерина Ридигер — ее дочь семи лет, внучка мсье N.

Дело о безутешном отце

Мсье N., он же Федор Иванович Назаров, — товарищ (заместитель) министра внутренних дел, инициатор ритуала.

Василий Викторович Нораев — жандармский ротмистр, правая рука полковника, руководит расследованием исчезновения в доме Ридигеров.

◆ ————— ◆ ————— ◆ ————— ◆ ————— ◆

Сергей Семенович Решетников — околоточный надзиратель сыскной полиции.

Амалия Штеффель — медиум, подруга Корсакова.

Олег Нейман, Владимир Мартынов, Антон Сомов, Андрей Танчаров, Василий Брохов, Яков Кузнецов — участники ритуала.

Дело о призрачном юнкере

Иван Павлович Сердецкий — генерал, начальник Дмитриевского училища, первая жертва.

Николай Сергеевич Панин — полковник, эскадронный командир, замначальника училища.

Алексей Осипович Красовский — военврач при училище, друг Сердецкого и Панина.

Ротмистр Чагин — кавалерийский офицер, наставник юнкеров по верховой езде.

Богдан Юрьевич Белов — вахмистр, каптенармус училища.

Зернов, Карпов, Макаров, Капьев и Свойский — юнкера, оставшиеся в училище на праздники.

Афанасий Афанасьевич Арапов — книготорговец, владелец тайной оккультной библиотеки.

ЧАСТЬ 1

ДЕЛО О ПРОКЛЯТЫХ ПОРТРЕТАХ

I

*21 июля 1880 года, ночь, борт парохода
«Княжич», верховья Камы*

– Разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей¹.

Бубнящий голос набожного старика оторвал Владимира Корсакова от размышлений. Молодой человек недовольно посмотрел на причитающего соседа по каюте, взял плащ и вышел на палубу. Приходилось признать, что причины для молитв у старика имелись: необычайный ливень накрыл пароходик вскоре после отхода из Перми и непогода лишь усиливалась по пути на север. Стихия налетела в один миг, не успела команда и глазом моргнуть. Корсакову оставалось только проклинать свою судьбу, ведь «Княжич» он выбрал самостоятельно. Не только потому, что пароход направлялся на север, туда, куда вел его ускользающий след человека, за которым он охотился. Нет, «Княжич» вселял уверенность — двухпалубный колесный пароход американской системы, с каютами третьего и второго классов. Владимир предпочел бы

¹ Быт. 7:11.

первый, но выбирать не приходилось. Так он и получил беспокойного соседа. Стоило налететь первым волнам, как старик изменился в лице и принялся бормотать молитвы с расторопностью старообрядческого начетчика. Стоит ли говорить, что после целого дня, проведенного взаперти с таким субъектом, Корсакову отчаянно требовался свежий воздух. Пусть и сопровождаемый порывами ветра с непрерывным ливнем.

Крепкое и ладное судно товарищества братьев Каменских бросало на волнах, словно бумажный кораблик. Корсакову пришлось схватиться за перила, чтобы не перелететь через них и не согнуться в бушующих водах Камы. Стоило ладоням коснуться деревянных поручней, как в глазах помутилось, и он увидел...

Та же палуба. Тот же пароход. Погожий летний день. Человек, глазами которого Корсаков смотрит на мир, белло окидывает взлядом свое отражение в блестящем на солнце иллюминаторе. Он не похож на Владимира: незнакомец чрезвычайно высок и красив особенной, дьявольской, красотой. Щегольской темный сюртук облегает фигуру, а бороду и длинные, черные как смоль, кудрявые волосы легионько треплет ветер. Человек переводит взляд с иллюминатора на нос корабля. Там, впереди, среди заросших густым лесом холмов, приютился городок, упрямо карабкающийся вверх по отвесным скалам. Над городом нависает утес, увенчанный исполинскими валунами и старой деревянной церковью. Немногочисленным пассажирам, вышедшим на палубу, неизвестно то, что открылось незнакомцу: камни

говорят с ним. Манят его. Повинуясь минутному импульсу, человек в черном сюртуке решает: он должен сойти на берег.

Видение покинуло Корсакова так же быстро, как налетело. Ночь, непогода и застилающие глаза потоки дождя скрывали берег из виду, но сомнений не оставалось. Он стоит сейчас на том же месте, где стоял человек в сюртуке, и пароход подходит к той же пристани. А значит, погоня Корсакова близка к концу. Вот только... Телеграфа в этом городишке наверняка нет. И что делать теперь? Не получится ли так, что задача окажется для него непосильной?

Он вернулся в каюту и под немигающим взглядом старика собрал свои вещи, особо тщательно убедившись, что револьвер надежно спрятан на дне дорожной сумки. Пароход причалил полчаса спустя.

— Пойдите. — Корсаков уже собирался покинуть каюту, но услышал надтреснутый голос. Сосед смотрел на него слезящимися старческими глазами. — Не знаю, что за нужда выгоняет вас в эту дьявольскую ночь, но смею надеяться, что вас ждут дела праведные. Храни вас Бог, — с этими словами старик перекрестил его. Молодой человек не нашелся с ответом, молча кивнул и вновь вышел в непогоду.

Пароход с трудом причалил и, как только Владимир перебрался на сушу по трапу, тут же отошел от берега. Миг — и судно скрылось за пеленой дождя, оставив его в одиночестве. Корсаков оказался единственным пассажиром, сошедшим на берег, и вообще единственным человеком на пристани. Ни рабочих, ни извозчиков — казалось, все живое спряталось в поисках крова, спасаясь от ветра и потоков воды, лью-

щих с небес. Там, где этот кров остался, конечно. Ураган прошелся по прибрежным складам, лишив их крыш и даже части стен. В здании, где, по виду, размещалась портовая контора, не хватало стекол, лишь хлопала на ветру ставни. Звенели и лязгали цепями портовые краны. Снаружи не горел ни один фонарь, внутри — ни одна лампа. Корсаков еще не забирался так далеко от столиц, но этого и не требовалось, чтобы понять — с портом что-то не так. И вряд ли только с портом...

Городишко был захудалым, что для такого медвежьего угла и неудивительно. Корсаков прикинул, что до ближайшего соседнего города отсюда в лучшем случае пятьдесят верст, и это по прямой. Река, скорее всего, служила его единственной связью с губернским центром. Как показывала погода — не самый надежный вариант.

Жителям хватило усилий (или средств) замостить только главную улицу да центральную площадь, где стояли немногочисленные кирпичные дома, и теперь поселение расплачивалось за беспечность. Взбирающемуся вверх по холму Корсакову повсюду попадались картины запустения. Бегущие вверх по склону боковые улочки превратились в бурные грязные реки. Кое-где потоки, видимо, оказались столь могучими, что увлекли за собой несколько изб, превратившихся сейчас в печальные груды бревен, исчезающие в темноте у подножия холма. Оставалось только порадоваться, что Владимир не попал сюда, когда это произошло.

К моменту, когда Корсаков оказался на главной площади, он промок до нитки и был покрыт толстым

слоем грязи. Владелец единственной в городе гостиницы, открывший ему дверь после двух минут безуспешного стука, мог бы принять его за отрывшегося из свежей могилы покойника. К счастью, «четвертая»¹, как и ожидалось, сняла все вопросы, и гость с величайшим пиететом был препровожден в «лучший номер», который, на взгляд Корсакова, не сильно отличался от худшего, но, по крайней мере, давал крышу над головой. Путешественник скинул с себя мокрую и грязную одежду, переделся в чистое (в комнате было необыкновенно холодно для середины лета), проверил кровать на предмет клопов (насекомых не заметил, но веры в условия проживания ему это не прибавило) и улегся спать. Снились ему валуны, нависшие над городом, и исходящий от них отвратительный шепот на неведомом языке.

II

Два месяца назад, Санкт-Петербург

Катеньке не спалось. Огромный дом, столь теплый и знакомый ребенку, в последние несколько недель стал чужим и пугающим. *Матан* отпустила всех слуг, кроме кухарки и дворецкого, да и те выставлялись за дверь, стоило огромным часам в холле пробить семь вечера. Коридоры, некогда освещенные яркими свечами, были темны. Привычный шум засиживающихся до утра гостей сменился свистом ветра в дымоходах да стонами старого опустевшего особ-

¹ Расхожее обозначение 25 рублей.

няка. Мамина комната, в которой всегда пахло свежими цветами, а холодными ночами горел камин, превратилась в мрачную пещеру, которой избегали и Катенька, и немногие оставшиеся слуги.

Их особняк изменился не сам по себе: он угасал вместе с маменькой. Самая красивая и ласковая женщина на свете, которая, даже поглощенная работой по дому или организацией званого вечера, всегда находила время сказать Катеньке доброе слово или нежно взъерошить волосы, куда-то исчезла. Вместо нее появилось злобное и раздражительное привидение, худое и изможденное, проводящее каждую свободную минуту перед висящим на стене портретом. Катенька несколько раз пыталась поговорить с ней, разрушить наваждение, вернуть обратно родного и доброго человека. Последняя попытка закончилась пощечиной, сбившей девочку с ног. Искаженное злобой лицо, окаймленное редующими сальными волосами, приблизилось к Кате, обдало смрадным дыханием и прошипело:

— *Пош-ш-шла вон!*

Сегодняшняя ночь была самой страшной за несколько недель. За окнами бесилась гроза. Ветер в дымоходах выл, словно в страшных книгах из маминой библиотеки, которые Катеньке по возрасту не полагалось читать. Но к раскатам грома, барабаниющему по стеклам дождю и свисту ветра снаружи добавился еще холодящий жилы звук внутри дома. Катенька с головой спряталась под одеяло, но отгородиться от него не удавалось. В доме кто-то плакал.

Меньше всего Катеньке хотелось выбираться из постели, ставшей единственным островком, где она